

ЛІТЕРАТУРА ЗАРУБІЖНИХ КРАЇН

УДК 811.512.162

DOI <https://doi.org/10.32838/2710-4656/2021.2-2/29>**Гулієва Л. И.**

Бакинский славянский университет

ТРАНСФОРМАЦІЯ ПОВЕДЕННЯ ГЕРОЕВ ПОЕМИ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ «ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН» В ТРАКТОВКЕ АЛАСДЕРА УОТСОНА

У статті зосереджено головну увагу на роботах Аласдер Уотсона, відомого у Великобританії як сходознавця, ведучого курс лекцій в Оксфордському університеті. Відрадно, що автор аналізує творчість Нізамі не вишир, а вглиб. А саме предметом дослідження вибрано поему «Лейлі і Меджнун» (серединна за рахунком у «Пятеріці»). Але у статті викладено не тільки сюжет (він у цілому і загалом добре знайомий англійській аудиторії завдяки майже аналогічній шекспірівській темі), скільки філософія Нізамі, його релігійні погляди, що пере-хрещуються із суфійської поезією, і т. д. Це нове слово в англійській філологічній науці, і роль А. Уотсона в розробленні перерахованих моментів важко переоцінити.

У заслугу автора статті в першу чергу слід поставити ретельне ознайомлення читачів із середньовічними джерелами. На нашу думку, є всі підстави вважати, що автор досконало володіє арабською мовою (у роботі чимало прикладів, поданих в'язу і в перекладі). Окрім того, досить обізнаний у сфері східної середньовічної філософії, він працював в архівах із джерелами, скрупульозно збираючи необхідні відомості з проблеми, що викладається. Про це свідчать не тільки витяги з тексту, а й наведені автором цитати вчених, точне встановлення історичних дат відповідно до різних календарів. Викликає безперечний інтерес еволюція центрального образу Меджнуна, виявлення психологічних мотивів його поведінки, у даному разі максимально наближеного до анналів суфійської поезії. Розгляд вигляду «божевільного закоханого» під таким кутом зору (трансформація тем і художніх нюансів в європейській літературі, метаморфози, пов'язані з неконтрольованим виплеском емоцій Меджнуна) говорить про творчий підхід автора до вибраної проблеми. Очевидно, що автору статті вдалося тим самим висвітлити роль праці А. Уотсона з багатьох найбільш істотних питань. Таким чином, основне завдання автора – ознайомити критиків-літературознавців і масову читацьку аудиторію з роботою англійського сходознавця – можна вважати виконаним на належному науково-теоретичному рівні.

Ключові слова: алгорія, поезія Удхрі, божественна любов, легенда, палацова любов, віри, суфізм, містика, арабська поезія.

Одним из наиболее изученных произведений великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви в английской литературе является поэма «Лейли и Меджнун», которую поэт завершил 24 сентября 1188 г. (584, 30 раджаба). Немало было и таких исследователей, которые ставили перед собой задачу отыскать факторы влияния этой поэмы на не менее великую и знаменитую трагедию Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта». Например, в одной из своих статей академик Мирза Ибрагимов заявил: «...есть общее и внутреннее сходство между «Ромео и Джульеттой», богато украшенной невестой мировой драмы, и «Лейли и Меджнун»

[1, s. 18]. К такому выводу пришла и академик Наргиз Пашаева: «Между «Лейли и Меджнун» Низами и «Ромео и Джульеттой» много пересечений» [2, с. 281]. Одним словом, поэма «Лейли и Меджнун» всегда была в центре внимания английской литературы с различных позиций. Одна из статей, посвященных анализу этой поэмы, принадлежит Аласдеру Уотсону, профессору востоковедения Оксфордского университета. Она называется «От Кейса до Меджнуна: эволюция легенды от корней Удхри до суфийской аллегории» (Alasdair Watson. From Qays to Majnun: the evolution of a legend from Udhri roots to Sufi allegory).

Статья была опубликована в июне 2013 г. в 91-м выпуске журнала *The Latrobe*. Подлинник хранится в Государственной библиотеке Виктории [3, с. 35–45]. В ней исследуется эволюция образа Меджнуна от его исторических корней до возвышения суфийского статуса. Однако прежде чем комментировать эту статью, считаем целесообразным дать краткую информацию о «корне Удхри». Кстати, И. Ю. Крачковский был одним из первых авторов, широко и всесторонне изучивших истоки эпоса «Лейли и Меджнун» в арабской литературе [4, с. 183].

Удхри – это разновидность любовной поэзии, названная в честь племени, к которому принадлежал известный представитель арабской литературы поэт Джамиль. Эта поэзия описывает пустынную среду, кочевой образ жизни, основывается на ностальгических чувствах, таких как пустота, разлука. В большинстве этих стихов нет никого, кого взрачивает любовь, есть печальные воспоминания о нем, где все принадлежит прошлому, зависит от порядка будущей судьбы. Джамиль жил и творил в исламскую эпоху и был одним из самых известных поэтов, написавших стихи, вдохновленные пустыней. Поэзия Удхри основана на традиции так называемой «вежливой любви». Стихи этого типа обычно называют именами героев и их близких. Например, Джамиль и Бутайна, Меджнун и Лейла, Кутайр и Азза и др.

Среди них все большую популярность приобрела история Меджнуна [5]. В своей статье Аласдер Уотсон также анализирует процесс возвышения образа Меджнуна из поэзии Удхри до уровня суфийского героя в поэме Низами Гянджеви «Лейли и Меджнун». В целом академик Ю. Бертельс в своих исследованиях 30-х годов прошлого века отмечал, что тема «Лейли и Меджнун» привлекала внимание суфийских поэтов. Он подчеркнул, что поэма Низами также допускает суфийское объяснение, но она не нуждается в таком объяснении. «...Эта поэма вполне убедительна и интересна с точки зрения реального мышления», – писал ученый [6, с. 81]. С точки зрения Ю. Бертельса, большинство советских ученых, обращаясь к творчеству Низами, рассматривали поэму «Лейли и Меджнун» именно как любовную литературу, но связана ли она с суфийской поэзией, осталось вне поля зрения ряда учёных. Однако на Западе анализ произведений Низами Гянджеви (особенно «Сокровища тайн», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц») стал традицией в контексте суфийской поэзии. В этом смысле подход Аласдера Уотсона к поэме «Лейли и Мед-

жнун» как к образцу суфийской литературы следует считать естественным.

Во вступительной части статьи ученый затрагивает известные нам вопросы о личности Низами Гянджеви, роли поэмы «Лейли и Меджнун» в «Хамсе», ставит вопрос о точности даты написания. Создание такого великого произведения за четыре месяца он называет настоящим подвигом. Он пишет: «Эта поэма, называемая «Лейли и Меджнун», была написана, вероятно, в течение четырех месяцев, и если учесть, что она состоит из 4000 стихов, то это можно считать настоящим героизмом» [3, с. 35]. Автор статьи также рассказывает об условиях, которые Ширваншах Ахситан поставил перед поэтом, и о том, что эти условия разозлили Низами, и он согласился написать произведение только по просьбе своего сына Мухаммеда. После этого источники и исторические условия, на которых основана сюжетная линия поэмы, информируют читателей о превращении трагической любви Кейса ибн Мулаввы в шедевр мировой литературы. «Несмотря на то что история Лейли и Меджнуна достигла своей высшей формы в версии Низами и приобрела большую известность в большинстве источников мировой литературы, история Лейли и Меджнуна началась в 7 веке нашей эры с истории Удхри о трагической любви Кейса ибн Мулаввы и его возлюбленной Лейли в Аравийской пустыне» [3, с. 35]. В статье дается краткое введение в историю Меджнуна и Лейли в ранних арабских источниках и персидской литературе в рамках концепции любви Удхри, а также рассматривается развитие этой истории в рамках суфийской аллегории Низами. Следует отметить, что Аласдер Уотсон не только представляет Низами Гянджеви как персидского поэта (*persian poet, persian litterateurs such as Nizami* – Л. Г.), но также осознанно избегает использования слова *Азербайджан* в связи с местом его рождения.

Например, говоря о Ширваншахе I Ахистан, которому посвящено стихотворение «Лейли и Меджнун», он представляет его не как правителя Азербайджана, а как человека, правившего на Восточном Кавказе. Тем самым как бы расширяется семантическое пространство художественного текста. А. Уотсон пишет: «Она (т. е. поэма «Лейли и Меджнун». – Л. Г.) была посвящена Ширваншаху I Ахистану, правителю Ширваншаха на Восточном Кавказе, где жил Низами. В западной литературе подход к Низами Гянджеви с этой точки зрения набирает обороты, и я думаю, что наши ученые всегда должны обращать внимание на этот вопрос».

Прежде чем перейти к литературно-философскому анализу поэмы, А. Уотсон пытается объяснить психологические мотивы поведения главных героев: Лейли, Кейса, Меджнуна и Безумного. С этой целью он излагает собственную концепцию архитектоники поэмы. А. Уотсон цитирует следующий стих из поэмы об имени Лейли:

در هر دلی از هواش میلی
گیسوش چو لیل و نام لیلی

(Не потому ль с любовью нарекли, Ее лучшим именем Лейли)

Автор статьи говорит, что именно этими стихами Низами впервые познакомил нас с Лейли. Действительно, в отличие от персидской версии в арабском языке используется *Лейла*, а не *Лейли*. Это можно увидеть в рифме *teuлі* в следующем стихе поэмы. Затем в стихотворении А. Уотсон рассказывает об обучении Лейли с мальчиками в местной школе, или «Дебиристане», и представляет миниатюру. Затем А. Уотсон вернулся к арабскому варианту имени «Лейли» и написал: «Чтобы привлечь внимание к тому факту, что волосы Лейли очень черные, он преувеличивает арабские выражения *leylat-un leyla* – «самая темная из лунных ночей» и «самая густая» и добавляет: «Это выражение больше для одиноких влюбленных» [3, с. 35]. После этого автор начинает объяснять другое значение слова *Лейла*. Он отмечает, что слово «лейла» относится к «началу опьянения», вызванного употреблением вина. Фраза «ум-Лейла», означающая имя матери Лейлы, обычно используется в арабском языке для обозначения темного напитка. В обоих случаях у этого слова есть особенное значение: вино или тесто имеет это значение на арабском языке, потому что вино покрывает разум, как ночь (*leyl*) покрывает мир. *Лейла*, или «ночь», на самом деле означают «платок» или «вуаль». В мировой критической мысли есть даже предположение, что не случайно и У. Шекспир использует в другой известной трагедии символ «платка» как верности и повод для ревности Отелло (см. работы А. Аникста).

Действительно, в сюжете Низами Лейли большую часть времени проводит за занавеской или вуалью. Но следует отметить, что Низами не считал фату важной для женщин. В одном из эпизодов поэмы «Искендернаме» он советует мужчинам отводить страстный взор, а не насильно прятать женщин под вуалью [3, с. 40]. В этом стихе А. Уотсон пытается объяснить, почему Низами Гянджеви подарил Лейли «Вселенского Возлюбленного». *در هر دلی از هواش میلی*. Содержание этого стиха

следующее: поэт вещает, что «в каждом сердце есть любовь к ней»? Любовь учеников в медресе? Сам Уотсон пытается ответить на этот вопрос: «Низами описывает ситуацию в классе следующим образом: ученики настолько заняты чтением, письмом и арифметикой, что не могут обращать внимание на Лейлу. Меджнун, с другой стороны, не может следить за своими уроками, потому что он следует «грамматике» Лейли». «Когда другие ученики изучали «фаэли-сифет» или гиперболические выражения прилагательного, ситуации или грамматические сравнения, двое влюбленных наслаждались друг другом в разном духовном состоянии и настроении». Уотсон хочет сказать, что не все влюблены в Лейлу в представленных описаниях. Так откуда же взялся этот любовный тон, казалось бы, противоречащий всему контексту поэмы? А. Уотсон пишет: «Говоря, что «каждое сердце склонно к ней», Низами подразумевает по самой своей природе любовь человека к Абсолюту или он имеет в виду любовь к Богу в лице Лейли, которая представлена в этой работе как настоящий символ этого Абсолюта?» [3, с. 41]. Но он не подтверждает этот вывод, а формулирует его в форме риторического вопроса.

После объяснения некоторых значений имени «Лейла» А. Уотсон возвращается к именам *Кейс* и *Меджнун*. Он цитирует Абу аль-Фарадж аль-Исфахани, автора «Книги песен», и дает полное имя Кейса: Кейс ибн аль-Мулавва ибн Музахим ибн Худас ибн Рабиа ибн Джахда ибн Кааб ибн Рабиа ибн Амр ибн Самсах. Как мы знаем, имя *Кейс* в переводе с арабского означает «мера» и «различие». Затем ученый спрашивает: «Разве переход от Кейса к Меджуну не означает переход от разума к безумию?» Он также подчеркивает, что слово «кейс» используется в смысле пустоты и голода, и отмечает, что Меджнун испытал эти трудности в своей собственной жизни [7, с. 114]. Что касается слова *Меджнун*, оно используется в значении «джинни», а в более широком смысле – «безумный». Однако Абу Саад аль-Асмани сказал, что Кейс не был сумасшедшим и что его недостаток был *luthatun*, или *louthatun*, как у поэта Абу Хайя ан-Нумайри [7, с. 115].

А. Уотсон пишет, что если мы прочтём это слово как *luthatun*, оно будет означать слабый, медленный, но если как *louthatun*, то нам придется вернуться к первоначальному варианту, потому что тогда оно носит оттенок безумия. В своих стихах Кейс иногда называет себя «сумасшедшим» или «меджнуном». По словам Лейли, он действительно считает себя «жертвой» или «испытанным» Богом.

قضاها لغيري و ابتلائي بحبها
فهللا بشيء غير ليلي ابتلائي

(Вином, Лейли, налей мне чашу всклянй, Ее чеканом имя отчекань.

Стать жертвой красоты ее дозволю, Прости ей, боже, кровь мою и боль)

Здесь, на наш взгляд, требуется небольшое пояснение. То, что безумие похоже на аффект, в принципе совпадает с исламским взглядом на безрассудство. Говорят, что когда Пророк Ислама проходил мимо группы людей, собравшихся вокруг человека, он спросил их, почему они собрались, и они ответили, что этот человек сошел с ума («меджнун юсра»). Пророк (мир ему и благословение Аллаха) сказал, что этот человек не был сумасшедшим, он был просто «не в себе». Далее он описал концепцию истинного безумия как чувство крайнего самосознания, которое проявляется в походе и поведении человека. Аласдер Уотсон обращается к любовной поэзии поэтов Удхри, чтобы исследовать корни трансформации Кейса Меджнуну. Ученый сначала дает информацию о месте, где зародилась поэзия Удхри, затем уточняет, что название Удхри, или лирика, любовь к Удхри и ее поэтическое воплощение происходит от арабского племени Бани-Удхри, расположенного в регионе, называемом Кудаах. Для мужчины, который всю жизнь был верен стихам, посвященным любви к женщине, характерна любовь Удхри. Он указывает, что эти люди всю жизнь в буквальном смысле слова сгорали от любви к своей «единственной и неповторимой». Поэтому они, естественно, пытались (в творчестве Низами Гянджеви, кстати, далеко не всегда успешно) с ней соединить свою судьбу.

Любовь Удхри такова: обычно она вознаграждается, то есть женщина отвечает на любовь, но они, повторяем, часто не могут соединиться: это вызвано либо мировосприятием самого средневекового поэта, либо социальными факторами. Это разделение ведет к страданиям, боли, болезням, безумию и, наконец, к желанной смерти. Согласно Китабу аль-Агани, Урват Аффа (ум. 650), один из поэтов Бани-Удхри показал первый пример такой любви. Другие поэты этой школы – Кейс Лубна из Бани Кинан (умер в 688 г.), Джамиль Бутайна из Бани-Удхри (умер в 701 г.), Кутайр Азза из Бани Азда (умер в 723 г.) и Меджнун Лейла из Бани Амир (ум. 688), которые довели феномен Удхри до апофеоза в поэзии и жизни, считаются одними из выдающихся представителей арабской поэзии. Как упоминалось выше, имена всех этих поэтов, как правило, перечисляются наряду с именами

их возлюбленных, например Меджнун Лейла, то есть Меджнун Лейли, Урват Аффа, то есть Урват Афрана и др. Любовь к Удхри была характерна для поэтов-бедуинов из степей Северного Хиджаза и Неджд в ранний исламский период; их целомудренная любовная поэзия контрастировала с откровенными стихами таких поэтов, как Умар ибн Абу Рабиа (712 г.), который беззаботно развлекался с нежными арабскими женщинами, посетившими Мекку. Стихи Удхри были полны страдания. Религиозные и моральные принципы, возникшие на заре ислама – пехриз (самоконтроль) и зохд (аскетизм), – способствовали превращению Кейса в Меджнуна, то есть в суфийскую аллегорическую легенду, уходящих корнями в Удхри.

Пехриз и зохд в этой любви во многом дополняются рассказами о Юсуфе и Зулейхе в Коране. Так, Зулейхе, которая почитала его любовь в действительности «предательской», Юсуф ответил: «Я ищу убежища в Боге от этого твоего поступка» и проявил благочестие [8, с. 203]. Многие приписывают Пророку Ислама высказывание: «Кто любит сердцем, разумом, мудростью и терпением, тогда умрет и станет мучеником». Уотсон цитирует следующий стих удхрийского поэта Джамии Бутайны, который перекликается с этой идеей:

لكل حديث عند هن بشاشة
وكل قتيل عندهن شهيد

*(Каждый разговор с женщинами удачен,
Кто умирает на их пути – мученик)*

Это стихотворение принесло большую известность Джамии Бутейне, внуку Пророка, который был не менее благороден, чем поэтесса Сукайна бинт аль-Хусейн. Кстати, пророк Сукайна бинт аль-Хусейн предпочитал великих поэтов своего времени Джариру, аль-Фараждагу и Кутейре. Поэзия Удхри, как и другие религиозные концепции, принимала верховенство и вечность любви как заповедь от Бога поэтам. Эта поэзия считала любовь, существовавшую до вечности и во время первого завета, божественным благословением, которое продлится в могиле [9, с. 17–43]. Братство имама Хусейна, Кейс ибн Зариха, известный как Кейс Лубна, пишет:

До того, как мы были созданы, моя душа была связана с его духом,

После этого мы были в утробе матери и в колыбели.

А. Уотсон отмечает, что эта поэзия не исчезла бесследно из истории, но впоследствии оказала серьезное влияние на мировую литературу: Это также расширило понятие любви европейского двора. Идея Бани Азза о том, что «они умирают,

когда любят», нашла отражение в серьезных литературных произведениях европейской литературы XIX века. Любовь Удхри выражена в трактате Стендаля «О любви» (1822 г.), который вдохновил многих романтиков [3, с. 42].

Аласдер Уотсон исследует множество источников, к примеру, о происхождении образов Кейса и Лейлы. Прежде всего, его внимание было к их прототипам. На этом пути, выявляя психологически трансформации и даже метаморфозы поведения, критик, как нам представляется, обнаруживает весьма примечательные факты. Он отмечает, что споры о том, существует ли Меджнун в реальной жизни, все еще продолжаются. Затем автор Китаб аль-Акани вспоминает рассказ Абу аль-Фарадж аль-Исфахани о своем источнике (Айюбе ибн Абая): «Он спросил у каждого из слуг Бани Амира о Меджнуне, но не нашел никого, кто его знал». Аль-Исфахани утверждает, что аль-Асмаи (ум. 828) также дал такую информацию. Когда аль-Асмаи спросил бедуина араба Маджнуна аль-Амира, араб сказал: «Кого вы имеете в виду? Поскольку есть целая группа из нас, обвиняемых в безумии, кого вы спрашиваете? Я (Аль-Асмаи) сказал: «Кто был без ума от Лейлы? Он сказал: Они все были без ума от Лейлы».

В то время было много поэтов из племени Бани Амир, таких как Музахим ибн аль-Харис и Муаз ибн Кулайб, которых звали Меджнун и чьи сердца бились от любви Лейлы. Самым известным среди них и более известный как поэт был Кейс ибн аль-Мулавва. В общем, ранние арабские просветители, такие как Ибн Кутайба и аль-Исфахани, рассказывали разные истории о Лейле и Меджнуне из более поздних стихов. По их словам, Кейс и Лейла были двоюродными братом и сестрой из племени Бани Амир. В детстве они пасли стадо в пустыне, где полюбили друг друга. Но когда Лейла выросла, ее разлучили с Кейсом. Эта разлука позже отражена в стихотворении, написанном Кейсом (или названном в его честь): «О, если бы мы выросли до сего дня, ни мы, ни наши стада не выжили бы».

Они снова встречаются в молодости и признаются друг другу в любви, но поскольку стихи Кейса о любви Лейлы распространяются среди людей, семья не подпускает ее к себе, это считается позорным. Когда Кейс приходит в дом Лейлы, ее отвергают, и Лейлу заставляют выйти замуж за другого. Кейс не боится, отправляется в пустыню, общается с дикими животными и, наконец, теряет рассудок и получает имя Меджнун. С другой стороны, Меджнун на арабском означал *сумасшед-*

ший. Он продолжает сочинять красивые стихи об имени Лейлы. Некоторые, такие как Нофаль ибн Мусахик, благородный араб, пытались защитить его, проявив к нему милосердие, но не позволили Меджнуну войти в их лагерь, хотя племя Лейлы находилось в смертельной опасности.

Отец Меджнуна берет своего сына в хадж, чтобы тот забыл о Лейле, но он подходит к занавескам храма и молится Богу, чтобы он увеличил его любовь к Лейле и никогда не забывал ее. После этого Кейс потерял рассудок и отказался есть и пить. Когда его мать увидела, что ее сын умирает, она попросила Лейлу встретиться с ним. Лейла, которая однажды ночью тайно пришла на встречу, просит Меджнуна пожалеть и не губить себя. Но Меджнун ответил стихотворением: «Она сказала: «Почему ты не можешь контролировать себя?» Я сказал ей: «Любовь хуже безумия; Ашуг никогда не выздоравливает, и иногда приходит безумие».

По словам аль-Исфахани, после этого молодые люди плакали и беседовали до утра. Это будет их последняя встреча. После этого они узнают друг друга только через других. Например, один человек из Бани Мурра, прогуливаясь по Неджде, сказал возле палатки Лейлы, не зная, кто она такая. Меджнун теперь бродит по пустыне с дикими животными, упоминая только женщину по имени Лейла. Он также полон страсти и печали, когда упоминает об этом.

Как мы видели, поздние романтики многое взяли из этих эпизодов и превратили в прекрасное произведение. Аласдер Уотсон отмечает, что этот сюжет в персидской литературе получил дальнейшее развитие. Он впервые упоминает великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Кстати, следует отметить, что А. Уотсон однозначно представляет Низами как персидского поэта. Это требует от нас более серьезной работы над Низами. Литераторам и взыскательным читателям уже давно известно, что, несмотря на использование персидского языка практически во всех своих сочинениях, поэт был родом из Азербайджана.

Уотсон утверждает, что после завоевания персидского мира арабо-исламской армией в середине VII века в результате межкультурного общения Кейс и Лейлы, имевшие арабские корни, были перенесены в персидскую литературу через Маснавиневис. Согласно знаменитому «Словарю» Дехуды, в книге «Китаб аль-Агани» Абу аль-Фарадж аль-Исфахани легенда о Кейсе и Лейле и связанные с ними примеры поэзии распространились в Иране в IV веке хиджры

(X век нашей эры). Вскоре после этого он отметил, что эта легенда привлекла внимание Бабы Тахира Хамадани, и многие другие персидские поэты написали работы на эту тему. А. Уотсон утверждает, что персидский ученый Али Аскар Хикмет рассказал о 40 персидских и тринадцати турецких версиях этой саги. Вахид Дастгирди сказал, что в целом у поэмы «Лейли и Меджнун» нашли более 100 вариантов, и если поискать в других библиотеках по всему миру, их число может быть более 1 000 [10, с. 201].

Наконец, А. Уотсон отмечает, что лучшие работы по этой теме были созданы Низами и Джами, и, продолжая сравнение, отмечает, что версия Низами Гянджеви превосходит все другие. Уотсон также упоминает о том факте, что Низами написал это произведение по просьбе правителя Ахистана, но нежелание поэта написать произведение на тему «Лейли и Меджнун» не было связано с тем, что Ахистан поручил ему не включать «туркисфатли» и «турканесохан» в произведение. Он объясняет это неспособностью Низами кататься на лошади вдохновения по голой скучной пустыне. Однако Низами явно разозлило оскорбление правителя Ахистана, брошенное в адрес его родословной, главным образом его тюркских корней.

ترکی صفت وفای مانیست
ترکانه سخن سزای مانیست

*(Мы во дворце не терпим тюркский дух,
И тюркские слова нам режут слух)*

Об этом пишет Низами Гянджеви:

چون حلقه شاه یافت گوشم
از دل به دماغ رفت هوشم
نه زهره که سر ز خط بتابم
نه دیده که ره به گنج یابم
سرگشته شدم دران خجالت
از سستی عمر و ضعف حالت

(Я помертвел, – выходит, что судьба, Кольцо мне вдела шахского раба! Нет смелости, чтоб отписать отказ, Глаз притупился, слов иссяк запас. Пропал задор, погас душевный жар, – Я слаб здоровьем и годами стар)

Почему-то Аласдер, представляющий Низами Гянджеви как представителя персидской литературы, в начале поэмы обходит эти вопросы молчанием. Затем он продолжает говорить о различиях между сюжетами Кейса и Лейлы в персидской литературе. Ученый пишет: «Например, в поэме Низами Кейс – сын великого вождя арабского племени, он видит Лейли в местной школе в городе, а не в пустыне, и влюбляется в нее. Используя другую арабскую версию истории, Джами встре-

чает группу женщин в пустыне, останавливается там, чтобы провести с ними день. Он зарезал верблюдов в их честь и какое-то время разговаривал с благородной и красивой дамой по имени Карима. Затем подошел другой мужчина по имени Муназил, женщины обратили на него внимание, и Кейс отверг их за неверность. После этого он долго искал настоящую любовь и наконец нашел Лейлу. Одна из самых красивых частей саги – это эпизод, связанный с Нофалом с Меджнуном. Нофал, сражаясь за него, не знает, на чьей стороне Меджнун. Между Меджнуном и Лейлой существует переписка. Лейла выходит замуж за ибн Салама, и, наконец, Меджнун становится владельцем диких животных. Низами также привносит в работу один или несколько этических или философских анекдотов или историй. Например, история молодого человека, которого король наказал на десять лет и бросил на собак. В этой истории Низами ценит верность собак выше милости правителя. Таким образом, он преподал правителям урок морали. Сюжетная линия в поэме развивается от Кейса до Меджнуна. В этих литературных вариантах изображения более совершенны, а законы литературного и образного языка используются поистине умело.

Раздел Аласдера, озаглавленный как «Суфийская аллегория Кейса и Лейлы», фокусируется на мистических аспектах версий Низами и Джами, отмечая, что легенда о Лейли и Меджнуне является подходящей темой для этих двух мыслителей, чтобы выразить свои суфийские взгляды. Путь сердца к Богу, к возвышенной «Любви» проходит через судьбу Кейса и Лейлы. Оба они обретают божественную красоту, удаляясь от реальной жизни. Эта красота, созданная в суфийском мировоззрении, является воплощением и показателем абсолютной красоты Бога, которой стремится достичь мистик. Автор конкретизирует свое мнение следующим образом: «Косвенно, в мистической интерпретации, Лейла – воплощение божественной красоты. Кейс, в свою очередь, – это воплощение пророка, который потерял сознание двумя стрелами от Бога, оставил позади ангела Гавриила, который искал способ соединиться с Богом, взшел на трон и достиг кедрового дерева в дальнем углу космоса, символизирующего вселенский разум. Кейс также оставляет свой разум позади, исчезает в свете божественной красоты и становится опьяненным, в то же время страдая от тоски своей возлюбленной в этом временном мире. Как и многие другие мистики, Меджнун сбегает из реального мира, живя с дикими животными в дикой природе, часто в пещерах, в мире духов-

ного одиночества. Он следует правилам аскетизма и диеты, он великий аскет, Салам из Багдада навещает его, чтобы послушать его стихи, предлагает ему еду, и он говорит, что «съедает свое сердце», то есть понижает свои низкие желания и требования его желудка. Его двоюродный брат Салим при встрече с ним также предлагает ему еду. Он снова отказывается, говорит, что забыл, как ел, что ему больше не нужно есть, что питается несколькими травами и корнями. Наконец, Салим соглашается с освобождением такого человека, как Меджнун, который ест только мелкую траву, признавая, что он царь в этом мире. Здесь Низами представляет историю об отшельнике, который ест траву, чтобы зафиксировать особое внимание на этом аспекте произведения. Хотя влюбленные Кейсы в арабских источниках равнодушны к еде и питью, Низами видит диету ради возвышенной любви как средство подчинения нафса, или физической души, и освобождения ее от желаний. Кстати, это краугольный камень так называемой «гастрономической концепции» поэта. Из неё ряд поэтов и писателей более поздних времён вывел формулу: сущность столкновения «Многих» и «Немногих» заключается в борьбе «нищих» против «сытых». Эта формула нашла своё применение в произведениях Ф. Достоевского, Дж. Байрона, Дж. Фаулза и других. Низами же в XII столетии писал: «Моя душа очищена от тьмы похоти, от смиренных желаний и от стыда ума. Любовь – это суть моего существования. Любовь – это огонь, я к этому привык. Любовь вошла в дом и украсила дом, я цеплялась за нее и обнимала. Ты думаешь, что видишь меня, но это не я, это просто возлюбленный». Здесь Меджнун описывает предмет того, что считается суфийским состоянием, – разрушение себя в Едином, Истине, Возлюбленном. Эго больше не существует. По мнению одного из учёных, «эти и многие другие части поэмы Низами показывают смерть перед смертью, как того требует пророческое предание» [3, с. 43].

Аласдер подчеркивает присутствие суфизма в другом эпизоде. Это сцена, в которой охотник

ловит джейрана. Меджнун сравнивает его глаза со своей возлюбленной. Низами также относится к нему с состраданием и говорит, что убийство такого красивого, невинного существа – дело рук волков. Меджнун перечисляет множество причин для спасения джейрана, охотник соглашается с ним, но мирские причины и пристрастия заставляют его вести себя иначе. Только после того, как Меджнун отдал свою лошадь охотнику, он выпустил джейрана на волю.

Меджнун проводит свой день, вспоминая и помня Лейлу. Все – от глаз джейрана до черной вороны – напоминает ему его возлюбленную. Здесь любовь воплощена на уровне пантеизма. В конце работы молитвы Меджнуна принимаются как друга Бога, и он получает благословение со своей возлюбленной на небесах. Их вырытые по бокам могилы становятся местом приема молитв паломников.

Короче говоря, Аласдер утверждает, что поэма «Лейли и Меджнун» от начала до конца является чисто суфийским произведением, и пытается интерпретировать весь сюжет, который проходит сквозь эту призму. Конечно, эта работа была написана в то время, когда суфизм был на подъеме, и, естественно, что здесь отражены религиозные тенденции того времени, но анализ обоих изображений как примеров суфийской аллегории означал бы, что они должны быть выведены за пределы общей литературной и философской системы Низами. Однако, как сказал Бертельс, реальных сцен и жизненных событий в произведении достаточно. Как и в других своих произведениях, Низами не упускал из виду свои гуманистические принципы, дидактические и моральные взгляды и социальные проблемы. Во всех своих произведениях Низами старался просвещать правителей своего времени, и в этом произведении он преподавал правителю урок, к примеру, историей о собаках. Правильнее было бы рассматривать это произведение как наиболее совершенную поэму, рожденную органическим синтезом реальной мысли и суфийских взглядов.

Список литературы:

1. İbrahimov M. Günəş kimi parlaq. Nizami Gəncəvi. “Leyli və Məcnun”. Bakı, 1982.
2. Paşayeva N. “Leyli və Məcnun”-“Romeo və Cülyetta”. Nizami Gəncəvi-850, Bakı, Universitet nəşriyyatı, 1992, 368 s.
3. Watson A. From Qays to Majnun: the evolution of a legend from Udhri roots to Sufi allegory. *La trobe journal*. 2013. № 91. P. 35–45.
4. Крачковский И. Ю. Ранняя история повести о Меджнуне и Лейли в арабской литературе. *Выдающиеся русские ученые и писатели о Низами Гянджеви*. Баку, 1981. 183 с.
5. Love poetry. URL: <https://www.britannica.com/art/Arabic-literature/Love-poetry#ref945186> (дата обращения: 11.02.2021).

6. Bertels Y. Böyük Azərbaycan şairi Nizami. Bakı, AzFAN, 1940, 149 s.
7. Abual-Farajal-İsfahani, Kitabal-Aghani. URL: <http://www.alward.net/AlwardSrv/bookpage?book=9&session=ABBBVFAGFGFHAAWER&fkey=2&page+1&option=1> (accessed 10 February 2013).
8. Qurani-kərim. Yusif surəsi, 23-cü ayə. Bakı, Azərnaşr, 1992, 203 s.
9. Muhammad G. H. al-Hayah al-Atifiyah bayn al-Udhriyah wa-al-Sufiyah. Cairo : Dar Nahdat Misr, 1976. P. 17–43.
10. Nizami. The Story of Layla and Majnun, trans. by R. Gelpke, Boulder, CO: Shambhala, 1978, 201 p.

Guliyeva L. I. TRANSFORMATION OF THE BEHAVIOR OF THE HEROES OF THE POEM NIZAMI GANJAVI “LEYLI AND MAJNUN” IN THE TREATMENT OF ALASDER WATSON

The article focuses on the work of Alasder Watson, known in the UK as an orientalist and lecturer at the University of Oxford. It is gratifying that the author analyzes Nizami's work not in breadth, but in depth. Namely, the subject of research is the poem “Leyli and Majnun” (the middle one in the “Five”). But the article outlines not so much the plot (in general and in general it is well known to the English audience due to an almost similar Shakespearean theme), as the philosophy of Nizami, his religious views, intersecting lines with Sufi poetry, etc. This is a new word in English philological science, and the role of A. Watson in the development of the above points can hardly be overestimated.

The merit of the author of the article, first of all, should be given to a thorough acquaintance of readers with medieval sources. In our opinion, there is every reason to believe that the author is fluent in Arabic (there are many examples in the work, submitted in ligature and in translation). In addition, she is sufficiently knowledgeable in the field of eastern medieval philosophy, worked in archives with sources, meticulously collecting the necessary information on the problem at hand. This is evidenced not only by excerpts from the text, but also by the quotations from scientists cited by the author, the precise establishment of historical dates in accordance with different calendars. The evolution of the central image of Majnun, the identification of the psychological motives of his behavior; in this case as close as possible to the annals of Sufi poetry, is of indisputable interest. Consideration of the appearance of the “mad lover” from this angle (transformation of themes and artistic nuances in European literature, metamorphoses associated with the uncontrolled outburst of Majnun's emotions) speaks of the author's creative approach to the chosen problem. Obviously, the author of the article was able to highlight the role of A. Watson's work on many of the most significant issues. Thus, the main task of the author is to acquaint literary critics and the general readership with the work of the English orientalist, which can be considered completed at the proper scientific and theoretical level.

Key words: Allegory, Udhri poetry, divine love, legend, palace love, poem, Sufism, mysticism, Arabic poetry.